

Тема очернения исторических личностей вызвала небывалый резонанс. Хейтеры буквально под микроскопом рассматривали каждый эпизод в поместье, выискивая поводы для критики.

Некоторые маркетинговые аккаунты пошли еще дальше, монтируя короткие видео. Они намеренно противопоставляли героические кадры и пафосные моменты из патриотических фильмов финальному образу Мэн Цзэчжоу, когда его персонаж окончательно погрузился во тьму.

Поверх видео летели агрессивные субтитры: «В их руках были винтовки для борьбы, а не трубки для опиума! Порочащие слухи? Очернение? Вот так вы благодарите героев?!»

Ситуация в сети накалялась с каждой минутой. Дело дошло до того, что пользователи начали массово требовать удаления программы и пожизненного запрета на профессию для актеров.

И в этот самый момент официальный аккаунт Музея культурно-исторических материалов, расположенного в том самом поместье, опубликовал неожиданное заявление:

«Благодарим съемочную группу шоу за современный подход к визуализации той мрачной эпохи. Благодаря вам больше зрителей смогли увидеть и заинтересоваться нашей историей.

Чуть позже в прямом эфире наш директор @Цюань Чэнцун рассказывает о новейшей истории — он подробно разберет исторические факты и архивные материалы, связанные с этим периодом».

Внизу поста красовался тот самый скандальный тег: #818, новый «ресурсный выскочка» в китайском шоу-бизнесе#.

[Я не сплю? Это реально официальный аккаунт?!]

[Наш музей гарантирует: мы самые настоящие! (цветы)]

[Официалы? Раз вы тут, может, разыграете пару артефактов?]

[К сожалению, артефакты разыгрывать нельзя, дорогие наши (трет пальцы). Но мы приглашаем вас посетить наш музей [Геолокация]. Как государственная культурно-образовательная база, мы не берем плату за вход. Просто не забудьте паспорт (улыбка)]

[Неужели официальный аккаунт так отчаянно хайпует? Вы даже тег поставили... Я сейчас расплачусь (голова собаки)]

[(Шёпотом) Жизнь нынче непростая, приходится выходить в интернет и подрабатывать «уличным задирой». Не выдавайте нас~]

Оборудование в музее было скудным — всего одна камера на штативе. Никаких спецэффектов, никакой заставки: старый господин Цюань Чэнцун просто возник в кадре.

Его волосы были абсолютно белыми, а на переносице покоились очки в круглой оправе. Слегка сдвинув их, он с некоторым смущением уставился в объектив:

— Уже началось? Мне просто смотреть сюда и говорить?

Старик был одет в традиционный костюм, от него веяло академическим спокойствием и глубокими знаниями. Как только он перешел к делу, вся неловкость исчезла: Цюань Чэнцун заговорил уверенно и вдохновенно.

— Наш музей специализируется на материалах и артефактах периода новейшей истории. Это время было крайне тяжелым и болезненным, поэтому посетителей у нас обычно немного. Мы искренне признательны за возможность привлечь внимание к этой теме.

Раньше музей уже пробовал проводить стримы, но тогда число зрителей редко превышало пару сотен человек — в основном это были люди преклонного возраста, которые почти не писали комментариев. Но на этот раз всё было иначе.

[Пришел по хештегу. Посмотрим, как вы будете отбеливать Се Цзисина и шоу]

[Государственный музей отбеливает звезд? Вы в своем уме?]

[Можете ругаться в другом месте? Имейте уважение к этому заведению]

[Долой искажение истории! Защитим память предков!]

Господин Цюань никак не реагировал на выпады. Он мягко улыбнулся и поправил очки.

— История — она ведь здесь, прямо перед нами.

Он подошел к стенду.

— Здесь у нас представлены газеты. Я сниму одну, чтобы вы могли рассмотреть её поближе.

Он аккуратно положил листок на стол.

— Это издание имело огромный вес в период с конца империи Цин до начала Республики. Несмотря на то, что газета была региональной, на неё ориентировалась вся страна. Посмотрите сюда: журналист под псевдонимом Вэй Жэньшуй. Именно он стал прототипом персонажа, которого играл Сяо Хуай.

Камера приблизилась, детально фиксируя передовицу с авторской колонкой. Шумные фанаты в чате внезапно притихли. Лишь спустя минуту кто-то написал:

[Даже спустя столько лет чувствуется, что его слог был остёр, точно клинок. Настоящий стержень]

[И правда. Мы не жили в то время, но от этих строк в груди всё закипает]

— Борьба была главной чертой того времени, — Цюань Чэнцун убрал газету и тихо вздохнул. — Позже он вступил в партию на фронте, стал выдающимся подпольщиком и... просто растворился в истории.

Объектив последовал за стариком к раме с искусной вышивкой.

— Эта двусторонняя гладь — работа госпожи Тань. Она была супругой Вэй Жэньшуйа и прототипом персонажа Сяо Юй.

Он осторожно повернул экран вышивки. Портрет красавицы сменился изображением мужчины, смотрящего на карманные часы.

— На самом деле, это должны были быть портреты с обеих сторон, но, к сожалению, работа не завершена. Вышиты лишь контуры — мы никогда не узнаем, как выглядели эти двое героев на самом деле.

[Боже, как красиво... У меня мурашки по коже. Хочу увидеть это вживую]

[Я уже забронировал билет! Этот музей в моем городе, а я даже не знал о таком сокровище]

— А вот эти работы на стенах госпожа Тань использовала для передачи разведданных, — господин Цюань указал на ряд вышивок. — В шоу для наглядности использовали азбуку Морзе, записанную пером. В реальности всё было куда тоньше. Смотрите...

Камера подошла вплотную, перейдя в режим макросъемки.

— Видите? Эти крошечные проколы расположены в строгом порядке. Если смотреть через них на свет, проявляются знаки. Код Морзе наносился иглой.

[Так вот почему она ослепла в конце?!]

[Я плачу... им было так тяжело!]

— Говорят, госпожа Тань была неграмотной и знала лишь несколько иероглифов, — продолжил старик. — Но она использовала весь свой ум и находчивость, чтобы внести вклад в революцию. К сожалению, у нас сохранилась лишь одна работа с шифром. На остальных вышивках, что висят здесь, части с кодом были распороты в целях безопасности. Но их истинное количество могло быть в десятки раз больше. Большинство из них были утеряны или уничтожены в огне войны.

— А теперь посмотрите на это, — Цюань Чэнцун надел белые перчатки и достал ветхий том.

Страницы пожелтели и стали хрупкими — каждое движение требовало предельной осторожности. Старик медленно перелистывал книгу в полной тишине. Камера фиксировала текст.

[У меня ладони вспотели от ужаса... Это же всё закладные на продажу людей!]

[Внезапно осознал, как же нам сейчас повезло]

[Проклятое старое общество!]

Объектив замер на одной из страниц. Господин Цюань перестал листать и тяжело вздохнул.

[О боже, Юэ Циньяо! Это же та самая девушка-призрак из шоу!]

[Это она! Я помню, Жань Ши нашел документ об аренде жены — он выглядел точь-в-точь так же!]

[Это всё равно не доказывает, что Чжу Шимэй был богатым наследником. Может, он обычный кулак, а биографию выдумали?]

Цюань Чэнцун перевернул страницу. Там лежала купчая на землю, где четко указывалось: поместье семьи Чжу разделено на две части. Одна принадлежала Чжу Шицину, другая — Чжу Шимэю.

— Согласно нашим исследованиям, журналист Вэй Жэньшуй, о котором я говорил раньше, при рождении носил имя Чжу Шицин, — голос старика прозвучал особенно торжественно.

[Вэй Жэньшуй... Если убрать ключи у иероглифов фамилии, получится Чжу! Это действительно

он!]

[Получается, шоу восстановило реальные связи почти на семьдесят процентов. Потрясающе]

[Только у персонажей Жань Ши и Цюань Ю'эр не было прототипов]

Закончив показ, Цюань Чэнцун взял чашку чая, решив пообщаться со зрителями. Увидев последний комментарий, он ответил:

— Это не так. Не все достойны того, чтобы попасть в учебники истории. Большинство людей приходят в этот мир и уходят из него, оставляя память лишь в сердцах близких.

Старик снял очки, протер их и достал пачку старых писем.

— Цюань Хуай, которого играл Жань Ши, — это мой прадед. А Чунья — моя прабабушка. Они были «маленькими людьми», не заслужившими отдельных глав в исторических хрониках. Но у меня сохранились их письма.

— После войны моя прабабушка вернулась в этот город. Тогда он уже был освобожден. Поместье в огне сражений превратилось в руины, а землю национализировали. Но старушка помнила добро и до конца своих дней ходила поклониться могиле «молодой госпожи». Даже на смертном одре она наказывала потомкам не забывать приходить туда с поклоном.

[Шок на всю семью. Думала, сценарий — выдумка, а оказалось — на девяносто процентов реальная история]

[Это очень сильно. Уже планирую поездку в музей]

[Я с вами! Заодно хочу заглянуть в то самое поместье]

Пока зрители обсуждали планы поездок, Цюань Чэнцун с улыбкой убрал письма.

— Я рад, что смог поделиться этим с нынешней молодежью. Новейшая история нашей страны — это история боли и разрушения, но в то же время — история борьбы и несгибаемой воли. Надеюсь, вы будете смотреть в прошлое открытыми глазами и черпать в нем силы для движения вперед.

На этом стрим закончился. Один из фанатов тут же выложил полную запись эфира во все ветки обсуждений.

[Надеюсь, хейтеры наконец протрут глаза и перестанут использовать историю как инструмент

для клеветы и вбросов]

Ци Чжэнь не упустил момент и тут же проплатил продвижение этой записи. Платформа отреагировала мгновенно: тег #818, новый «ресурсный выскочка» в китайском шоу-бизнесе# быстро испарился из трендов.

А аккаунт «Разоблачитель китайского шоу-бизнеса» был навсегда заблокирован соцсетью «Большой глаз».

В это же время пользователь под ником «Ещё 500 иероглифов, и готово» опубликовал длинный пост под обсуждением музея.

«До того как стать сценаристом, я писала веб-новеллы. Сама я историк по образованию, поэтому больше всего любила копаться в фактах. Позже мои работы заметили (смущаюсь), и я перешла в индустрию сценариев.

Работа сценариста отличается от вольного творчества: нужно учитывать график съемок, бюджет на декорации, мнение режиссера и продюсеров, и даже уровень мастерства актеров. Пространства для фантазии почти не оставалось. Я начала штамповать однотипные идол-драмы. Точность деталей была не важна, главное — чтобы герой красиво кружил героиню на руках в слоу-мо.

М-да... до сих пор несколько моих работ с рейтингом ниже 6 баллов висят на „Доубане“, как на позорном столбе.

В этот раз я очень ждала возможности написать что-то серьезное. Думаю, вы уже поняли: я и есть тот самый „топ-сценарист“, который якобы переписывал сюжет под „ресурсного выскочку“.

Вы можете взглянуть на первую версию сценария [Документ]. Режиссер утвердил её почти сразу: это был максимально коммерческий, понятный и легкий в реализации проект. Но внутри меня грызла обида. Неужели я способна только на это? Неужели рынок не примет ничего иного?

Но съемки — это деньги, а у нас их было немного. Времени на поиски новых смыслов не оставалось, и сценарий заморозили. Но когда мы уже собирались начать, произошел один небольшой инцидент, и съемки пришлось приостановить.

Я благодарна этому случаю — он стал для меня пощечиной. Из-за него нам пришлось переделывать всё. Я словно вернулась в те времена, когда жажда творчества буквально жгла меня. Я сутками искала любые зацепки о поместье, зарывалась в архивы, сидела в библиотеках

над старыми делами.

И наконец, в местном музее я нашла те самые материалы. Вы видели их на стриме. Помню тот вечер: я сижу в пустом зале, листаю архив, и чувствую, как спина леденеет от пота. Я поняла, насколько мелочным и глупым был мой первоначальный сценарий.

Мы не должны очернять историю, но мы также не имеем права приукрашивать страдания. Нельзя набрасывать на закладные на продажу женщин вуаль романтики, надеясь, что та мрачная, людоедская эпоха вдруг станет „элегантно-трагичной“.

Принято считать, что женщина в те времена должна была просто ждать прекрасного принца, который её спасет — ведь это так вписывается в чьи-то фантазии о „романтичном упадке“. Но это ложь. И это не то, что я хотела сказать.

Я хотела рассказать о женщинах, которые, находясь в самом центре зловонной трясины, спасали себя и друг друга. Несмотря на гнет и издевательства, они не утратили мужества. В самой густой тьме они тянулись к свету, создавая нерушимый союз.

Я рада, что смогла это написать, а актеры — прожить. И я счастлива, что сегодня у нас всё еще есть смелость и сила быть в таком же нерушимом союзе друг с другом».

<http://bllate.org/book/16123/1588182>